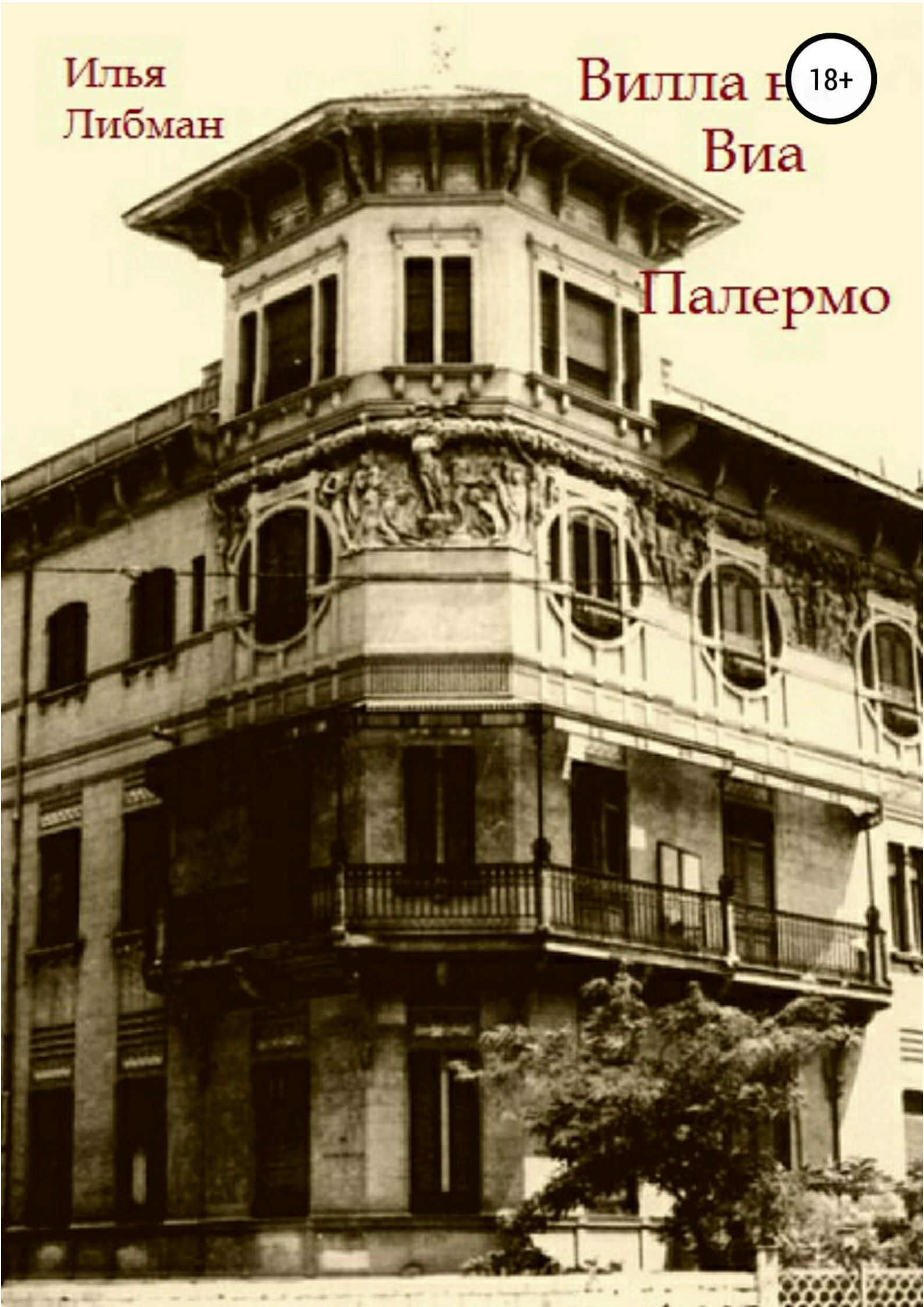

Илья
Либман

Вилла на
Виа

18+

Палермо

Илья Либман

Вилла на Виа Палермо

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Либман И.

Вилла на Виа Палермо / И. Либман — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Если вы никогда не пробовали розовых азиатских лягушек с настоящей итальянской пастой под красное вино, не танцевали мамбу с друзьями в зеркальном углу под трель синхронных свистков и не влипали в историю, из которой не так просто выкарабкаться, то попробуйте это сделать в компании Прелести и ее американского любовника.

© Либман И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

ВИЛЛА НА ВИА ПАЛЕРМО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава первая

Я просыпаюсь, когда красная цифра из пятерки готова превратиться в шестерку, а ты спишь, выставив острую лопатку из-под одеяла, а над нею – грудка волос. Привычка вставать ни свет ни заря все еще со мной, и я использую ее соразмерно с обстоятельствами и желаниями.

Сегодня никаких особых обстоятельств нет, так что можно было повернуться на другой бок и поспать еще. Если бы не желание.

Я все еще не привык просыпаться не один. Это отнимает пару секунд, чтобы понять, что все теперь по-другому.

Я еще ни к чему не привык, хотя прошло уже больше 2х месяцев.

Ты смеешься надо мной в дневное время, когда я отвечаю на телефонные звонки по-английски, а в ночное время не всегда легко понять, что со мной происходит. В ночное время ты спишь, или как ты говоришь – отсыпаясь за хронический недосып многих последних лет.

Ночник-лягушка дает достаточно света чтобы увидеть твой полураскрытый кулачок. В начале ночи он держал край одеяла, чтобы не сползло со спины, но ты заснула, одеяло сползло, а он остался делать вид, что работал всю ночь.

Я нежной змейкой просовываю руку к твоему бедру.

Ты поворачиваешься на спину и закидываешь руку поперек лица, но одной рукой двоих губ не перекрыть. Они сведены в ровную дырочку, готовые к осторожному, предрассветному свисту. Я жду, что будет дальше. Ты продолжаешь спать.

Я пытаюсь улечься в похожую позу – одна нога согнута в колене и образует треугольник с другой, вытянутой, а рука прикрывает половину лица. Если мы так долежим до рассвета а потом вместе проснемся, то в потолочном зеркале увидим наше отражение, напоминающее синхронный лежащий танец двух фигур.

Но до рассвета мне не дождаться: я дотягиваюсь до резинки на твоих ночных боксерах. Она нависла виадуком над чуть впалым животом.

Раздается предрассветный свист, и мы оба замираем на долгую секунду.

По сигналу мы поворачиваем головы друг к другу для обозрения.

Твой день начинается с жалобы: «В этой дурацкой пижаме в ширинке вшиты 3 перламутровые пуговицы, которые вовсе и не пуговицы, а так – 3 кусочка перламутра с дырочками для нитки, но с такими острыми краями, что мне снились дурацкие сны, и я порезалась».

Ты протягиваешь мне руку прямо к губам и глазам, чтобы у меня была возможность убедиться, что твой сон был вещим.

И в самом деле на твоём указательном пальце есть свежая царапина.

Я осуждающе смотрю на царапину и говорю слегка треснувшим со сна баском: «Это не должно повториться. Если ты прямо сейчас дашь мне пижаму, я обезврежу ее навсегда, а если не дашь, то могу сделать то же самое, как говорится, на теле заказчика».

– Как так на теле? А что же будет тогда со мной?

– Что будет, то и будет. Я бы не стал загадывать, а то получится как и в прошлый раз...

Наше пробуждение все это время начинается с одной и той же игры – кто засмеется первый, тот и проиграл, а победитель может делать все, что обычно делают победители.

Надо заметить, что мы оба бескорыстные борцы за правду и не поддаемся никаким искушениям и компромиссам, включая случайную щекотку.

Ты преуспеваешь в этой игре гигантскими шагами. Мне становится грустно, что больше не могу так легко выигрывать.

Это значит что-то размагнитилось между нами, или я потерял важное качество.

Но с другой стороны мне радостно, что теперь я проигрываю тебе с таким разгромным счетом, что мне не успокоиться от смеха минут пять, если ни дольше. На второй минуте моей смехорамы ты начинаешь улыбаться и невинно спрашивать: «Что я такого сказала?» Такой вопрос вдогонку, заданный правильным тоном, сметает меня опять на колени».

Так сильно я не смеялся со времен смены расшатанных молочных зубов на постоянные, когда моя маманя от имени и по поручению школы просила меня сделать глубокие отпечатки зубов в сырой картофелине. Это было необходимо для моего перехода во 2 класс.

Ты говоришь мне, что еще до конца не проснулась, ничего не хочешь делать, включая снимать пижаму.

Я делаю лицо усердного бобра из рекламы детской зубной пасты, натягиваю себе на лоб фонарик для ночного чтения, а на руки – резиновые перчатки проктолога и щелкаю ими, как принято среди врачей этой специальности.

Ты делаешь задумчивое лицо и говоришь, что революцию нужно делать чистыми руками, а не в латексных перчатках, что не боишься моих отпечатков пальцев ну ни капельки.

Я ныряю под одеяло, но не нахожу там ни перламутровых пуговиц, ни пижамы, к которой они должны были быть пришиты. Я нахожу там другое: листок бумаги со словами «Подательнице сего документа велено быть полюбленной сеюминутно и безошибочно...»

Я смеюсь и в который раз оказываюсь на лопатках.

Мы попали на эту виллу случайно, потому что должны были остановиться в обыкновенном и полупустом в это время года Bed & Breakfast.

Мы даже оставили там наши вещи и задаток за комнату. Ты относишься с подозрением к таким местам, потому что считаешь, что они сродни мотелям с почасовым постоем и могут быть хороши только для разовых любовных встреч, но никак уж не на долгий срок.

Все мои аргументы и факты о том, что половина семейной Англии именно так и отдыхает в летнюю пору разбивались об твой барельефный лоб, как волны об утес.

Мы вошли в нашу комнату, и тебе сразу не понравилось, что в ней неестественно много травяных запахов. Ты так и сказала, что пахнет как на складе Herbolife. Однако, это не мешало нам дружно запрыгнуть на кровать. Она была беззвучной и упругой. А потом мы решили пройтись по городу.

Я не был в этом городе долгое время, но помнил его и какой странной была моя жизнь тогда.

Как и все маленькие города на побережье Ладисполь впадал в зимнюю спячку уже в сентябре. Для горячих итальянцев сентябрь – уже почти зима. Местные жители редко выходят на пляж, несмотря на теплый воздух и море.

На центральной площади все было как и много лет назад. На разбитых скамейках под платанами сидели чистенькие худощавые старички и читали об очередном экономическом падении своей страны.

Ты держала меня за руку и, как говорят собаководы, тянула. И я следовал. Когда мы проголодались, я предложил зайти в одно кафе, в котором так никогда и не побывал когда-то, а только мечтал. Ты сказала, что мы только приехали, и у нас будет достаточно времени, чтобы посетить все эти заведения, что очень скоро мы будем помнить все трещинки в кафеле туалетов и настенную живопись на их стенах. Мне все еще никак не привыкнуть к тебе материальной: к твоим словам и поступкам, привычкам и виду. Иногда я говорю себе, что девочка, с которой я так долго общался на инете, вовсе не ты и даже не твоя посланница, а кто-то, кто знал тебя ту, но искажал умышленно.

Два месяца не такой длительный срок с одной стороны, но может быть и вечностью, если, например, ждешь освобождения.

Ты хитра со мной по-женски, как лисичка с петухом, которая слушала все его «ко-ко» да шарканье желтых шпор до поры – до времени.

Хорошо, что все самое главное обо мне ты знала, и мне не надо было ничего скрывать.

Я не знал о тебе ничего.

Два месяца близких отношений без вмешательства тяжелого быта или материальных проблем могут сделать чудеса.

В тот самый первый день, когда мы вышли на свет божий после удачного испытания кровати в В&В и не пошли в кафе по твоему мудрому пророчеству, а зашли к братьям в гастроном и купили многоярусный багет с разными начинками и бутылку молодой Ламбруски и двинулись к морю.

День был теплым и влажным, и тяжелые облака висели низко над серой водой. Мы уселись на отполированное водой и солнцем бревно, которое лежало на том же месте, как и много лет назад. Ты отщипнула кусочек багета, пропитанного соусом, и бросила его на песок. На еду сразу двинулись ватаги муравьев из разных концов и два маленьких краба. Я предполагал, что сейчас ты скажешь, что я должен сделать что-нибудь со своей стороны. Но ты просто смотрела на мурашей и неторопливо запивала вином еду. Мы допили вино и отдали остатки багета скромным чайкам, а потом легли головами на мой пиджак, а остальным – на песок.

Ты сказала, что северные народы не знают, чего они лишены. Потом добавила, что очень скоро перейдешь через рубеж нормальности и не сможешь вернуться назад и работать как раньше. Вино разогрело и разрумянило тебя.

– Если на пляже нет кабинок, то каким образом цивилизованный человек может поменять одежду на иную – пригодную к купаниям?

– Девочка, сезон купаний закончен. Все кабинки увезли в сохранное место, но если кому-то хочется искупаться вне сезона, они могут купаться вне купальной одежды.

– Ты не бросишь меня здесь, слегка поддаую и мокрую на пляже, если вдруг карабинеры выйдут из-за холма?

– Мокрую от чего?

Ты взяла мою руку и засунула ее себе под блузку подмышку: «Во-первых я уже мокрая от пота, а во-вторых, я иду купаться прямой сейчас. Ты пойдешь со мной?

– А кто тогда будет сдерживать ряды карабинеров? Я буду следить с берега за тобой и за твоей одеждой. Мы завтра будем купаться вместе, обещаю.

– Я не умею плавать самостоятельно в такой величины водных массивах.

– Сегодня у тебя прекрасный шанс этому научиться. Я когда-то был спасателем на водах и помогу тебе в самом крайнем случае. Только не заплывай далеко – от сильного ветра у меня слезятся глаза.

– Ты издеваешься?

На тебе была одета большая вязаная кофта, а под ней – шелковая блузка с длинными ушами воротника.

Как все это могло тебя раскалить, я не мог приложить ума.

Ты посмотрела на меня со смешанным чувством и сказала, что и действительно, твоя одежда требует надзора, и мне было бы лучше держать ее в руках.

Должно быть, слияние горчичного дрессинга с вином подпустили тебе перца в кровь.

Раздетая ты была безумно хороша, когда стояла белой лебедью на черном песке средне-земноморского пляжа.

Я не торопил событий, а просто любовался тобой и жалел, что не было со мной никаких средств, чтобы запечатлеть такое для лихого времени в будущем.

Ты смотрела в прибрежную пену и придерживала растегнутый лифчик спереди.

– Может быть принять воздушной ванны будет достаточно на сегодня?

– Конечно недостаточно. Что ты мне раздеться не даешь? Я в Италии не бываю так часто, как хотела бы, и должна использовать все возможности. Ты даже не представляешь, как купаться в северных морях и озерах, когда с одной стороны почти что лед, а с другой – комары.

Ты снимаешь, наконец, свой лифчик и не швыряешь его, как другие при подобных обстоятельствах, а складываешь чашечка в чашечку и отдаешь его мне.

Без лифчика в твоих движениях и помыслах нет прежней решительности: ты медленноходишь в воду и бредешь по мелководью чинно, как птица секретарь. Из-за холма появляется человек в соломенном картузе и гигантскими наушниками на голове. В руках он держит металлоискатель. Мы бегло смотрим друг на друга. На его коричневом, как у дервиша лице, не заметно выражения радости от встречи со мной, но нет и неприязни. Он утюжит искателем черный песок, время от времени поднимая найденные металлические предметы. Крышки от пивных бутылок, монеты, часовые механизмы, кольца, серьги, браслеты, а также цепочки и платиновые вставные челюсти потенциально могут быть найдены, но мне кажется, что все эти люди с искателями уже давно нашли другое, но то, что искали. А именно, они нашли причину, по которой они могут бродить медленно по пляжу и смотреть вовсе не на волны или закат, а на раздетых женщин и девушек. Я бы никогда не смог предположить подобного, пока однажды на пляже в Нице не увидел забавный случай: пожилой мужчина с искателем, как две капли воды похожий на этого из-за холма, утюжил песок около группы загорающих девушек. Все было бы хорошо, но его не устраивало, что девушки лежали спинами кверху, и от попок в бикини мужчина так не велся, как от взгляда обнаженных женских грудей. Хитрый старикан выудил из кармана своих шертов целую горсть чего-то блестящего и незаметно метнул все это в песок поблизости, а потом, как ни в чем не бывало, прошелся искателем над своим «кладом». Искатель запищал, как полагается. Старикан встал на колени и возбужденно стал откапывать свое же добро. Загорающие девушки встали и окружили его так близко, что некоторые из них даже касались его.

Сам бы я такое не догнал, но мой французский приятель, Жак Брузжак, обратил мое внимание на этот трюк.

Я подумал, что этот дедушка наверняка из другой категории, потому что пляжный сезон закончен, и ловить здесь, собственно говоря, нечего, но не тут то было: как только он заприметил длинноногую девочку на мелководьи, так сразу его искатель начал двигаться в ее направлении. Очень скоро он досеменил до линии воды. Ты увидела его и подошла. Мне с полированного бревна не было слышно, о чем вы там разговаривали, но я увидел, как мужчина нагнулся и выкопал что-то из песка. Ты стояла над ним, склоненная на широко расставленных модельного качества ногах в трусиках в горошек, и ждала. Мужчина выпрямился и буквально уперся своей головой тебе в грудь. Порыв ветра откинул твои золотые волосы. Ты толкнула его брезгливо, как приморскую нечисть, достаточно сильно – он завалился на спину на мокрый песок, а ты убежала в воду, но не далеко, а только, чтобы вода закрыла твою грудь и стала махать руками для привлечения моего внимания.

Через полчаса мы сидели в каком-то припляжном кабачке. Твои трусики лежали мокрым комочком на тарелке, а твои зубы стучали по краю второго стакана с мутноватой грап-

пой. Я ждал, когда к тебе придет покой и тепло и вообще делал вид, что ничего особенного не произошло. Как раз в ту минуту, когда к нам с четвертой попыткой подошел официант с предложением дежурного съедобного этим вечером, дверь в кабачок открылась и вошел экскурсовод Валера. Он сильно изменился за эти годы, но его спортивный пиджак с кожаными заплатами на локтях и правом плече был вполне узнаваем. Валера был историком по образованию и дальше Италии так никуда не иммигрировал. Теперь у него было свое туристское агентство. Сам он не работал, а много путешествовал вокруг света.

После дюжины наводящих вопросов он узнал меня тоже. Мы усадили его перед тарелкой с трусиками и наконец-то заказали еды.

Через день мы въехали на его виллу на Виа Палермо, а он умотал куда-то далеко и надолго. С тех пор мы живем в его доме, поливаем цветы на его подоконниках и кормим его кошек и мышек.

За это время я собрал достаточно материала, чтобы написать солидную главу о быте и нравах, о кафе и трагториях с рекомендациями о местах постоя для книги – «Туристическое руководство по бесплановому отдыху в Италии».

Ты пересмотрела для себя массу возможностей, чем можно было бы заниматься в этой жизни, чтобы быть счастливой и чтобы от работы не так сильно уставать. По секрету от меня ты ищешь место на земле, где можно было бы прожить на \$10 в день, но чтобы при этом были окна в сад и горячая вода во все дни недели.

\$10 в день – это сакраментальная цифра, которая позволит нам жить вечно.

В ноябре на берегу моря жить нужно умеючи.

Мраморные полы виллы охлаждают прыть самых теплокровных.

Хорошо, что у тебя с собой были те самые знаменитые валенки, которые спасали тебя прошлой зимой. По утрам, ты как баронесса в изгнании, одетая слоями, сидишь перед телевизором и понимаешь передачи для детей на итальянском. Иногда ты даже смеешься.

В твоих руках постоянный стакан с глинтвейном и надкусанный свежий фрукт. Мы завели себе знакомых. Они живут на соседней улице в доме, пристроенном к пекарне. Они пекут 3 дня в неделю, а все остальное время заняты исключительно собой, как и мы. Именно это качество жизни нас и свело вместе однажды, когда мы были последними посетителями какого-то коммерческого места, и не хотели никуда уходить.

Мы танцуем латино-американские танцы по четвергам и поем итальянский вариант бип-боп на благотворительных обедах приблизительно раз в неделю.

Ты научилась готовить поленту и есть ее не хуже других. А я собираюсь написать о тебе что-нибудь интересное и поучительное для других в духе «Жизнь 12 цезарей».

Иногда мне кажется, что ты бледнее, чем должна быть счастливая девушка твоей стати после выпитых глинтвейнов или до них, и я зацеловываю тебя до цвета помытых поросят, и потом мы занимаемся другим приятным делом, пока один из нас не начинает умирать с голоду.

Я по-прежнему считаю, что это было твоим большим упущением не рассказать мне о всех твоих умениях и достоинствах в наш самый первый день знакомства – как много времени мы потеряли и кровушки друг дружке попортили.

Но не всегда у нас так здорово между собой. Иногда мне звонят из штатов. Если разговор ведется на русском, я стараюсь выйти из комнаты, чтобы не быть допрошенным с пристрастием позже.

Ты не следуешь за мной, но между нами что-то обрывается на время.

Я не пытаюсь форсировать события, давая какие-либо объяснения, потому что объяснения не что иное, как форма оправдания и не заслуживает моего характера.

Давно уже решил, что мне не следует оправдываться даже за убежавшее молоко. Оправдание, так или иначе, не уменьшает и не отменяет его возможную причину, но вносит ненуж-

ный раздор во внутренний мир человека. Я не говорю об ошибках, которые караются законами или моралью. Таких ошибок за мной не числится.

Несмотря на твое молчание я понимаю, что речь в нем идет обо мне.

Тебя достают сомнения, делаешь ли ты правильно для себя, находясь со мной сейчас здесь.

Я знаю несколько беспроектных приемов, как вывести тебя из ступора, но пользуюсь только одним из них. Он самый безобидный.

Как трубка мира. Я приношу на кухню эмалированное корытце, которое до нашего вселения на виллу было врыто в клумбу для чисто декоративных целей. Дело в том, что наружная сторона его представляет из себя охоту на кабана, выложенную мозаикой. Не нужно обращаться к экспертам, чтобы понять ее аутентичность, а поэтому и ценность. Просто историк Валера пользуется своими знаниями и другими привилегиями, чтобы обладать подобным. Мы нашли такое его отношение к искусству зажавшимся, откопали корытце и отмыли до чистоты посуды и держали в нем белье для стирки. Это немногим лучше, чем использовать его зарытым.

Я наливаю в пустое корытце горячей воды, посыпаю ароматических кристаллов и вываливаю туда же упаковку водорослей для омовений.

В воде они из скукоженных распускаются дивными подводными букетами. Потом я подношу к корытцу стул с тобою на нем.

Ты не сопротивляешься, но это вовсе не знак прощения или поощрения, а скорее равнодушие к моим выходкам. Ты говоришь себе, что точно так же он (я) добивался своего и с другими: если не было корытца, то был гамак, если не было гамака, то был белый шелковый парашют или вообще алые паруса. Но после алых парусов другая славная мысль приходит к тебе: не так важно средство, а важно внимание, которое уделено только тебе. Разве против такого стоит возражать?

Я снимаю с твоих ног носки-перчатки, где у каждого пальчика вывязано свое выражение лица, и медленно, чтобы тело привыкло к неожиданному теплу, опускаю твои ноги в корытце. Ты все-таки спрашиваешь про телефонный звонок. Я говорю, что звонил сын, что он мне завидует с моим бездельем в Италии. Ты интересуешься, что же он предлагает тебе делать. Я говорю, что он предлагает мне поставить радио-маяк: если я помру, то он будет об этом знать и позвонит куда следует, чтобы меня положили на время в холодильник, и тело не разложилось, пока он не прилетит за ним.

Ты спрашиваешь про него: каким он был в детстве сыном.

Я говорю, что послушным. Ты заразительно смеешься: «Like father like son».

От твоего смеха в корытце образуется зыбь. Твои ноги проворно залезают в букеты водорослей, ты жмуришься от удовольствия.

Я сижу на стульчике для чистки и зашнуровывания обуви и начинаю заниматься твоими ладошками. Ночная царапина все еще видна розовым штрихом.

Крем Nivea для обычной кожи может быть использован и для тебя.

Ты мне рассказываешь, как работа и только работа спасала тебя от меня все эти годы.

– Меня от тебя не спасало ничего. Во время приливов наших отношений я чувствовал себя, как оборотень в полнолуние.

– Как оборотень себя чувствует в полнолуние, можно спросить?

– Очень хорошо чувствует, если собирается встретиться с девочкой волчишкой или с угрызениями совести, если приходится кого-то безвинного задирать.

– А ты как себя чувствовал – оплакивал бедную овечку?

– Нет, я несея на стрелку с девочкой волчишкой сероглазой и клыкастой.

– Я, что ли, тебе выглядела клыкастой?

– Ты мне выглядела абсолютной.

– А сейчас как выгляжу?

– А ты сама как думаешь?

– Я думаю очень по-разному, потому как, хотя я и умная, но и нерешительная в тоже самое время. Ты не помнишь, у нас есть свежие огурцы в холодильнике или все съелись?

– Помню, что были сегодня утром. А в чем дело?

– Мне пахнет огурцом, и хочется его поесть.

Ты сидишь в полуподагрической позе над корытцем: распахнутый халат с чужого плеча ниспадает тяжелыми крыльями над раздвинутыми ногами, а под ним маечка в горошек, сестра легендарных трусиков, а под ней нет ничего. При виде твоего пупка и ниже мне не хочется идти за огурцом.

Ты держишь руки, как хирург до операции – кистями вверх и говоришь мне, что так долго находиться ногам в водорослях опасно: ты можешь превратиться в хвостатую русалку. Я понимаю, что уже бесполезно бороться с желанием, но делаю вид, что все идет своим чередом – вытираю твои ноги.

– Как же огурец?

– Огурец может и подождать. Я был в очереди первый.

Я обнимаю тебя под халатом и слышу, как ухает твое сердце прямо мне в щеку через упругую грудь. Мы идем, покачиваясь, как двое раненных одной стрелой, в сторону дивана и, едва достигнув его, согласованно падаем.

От твоих волос пахнет чем-то церковным. Ты понимаешь мой немой вопрос и говоришь, что это культовые духи «Gothic», что ты вычитала в журнале «Thrashers», что их стоит носить во время отдыха у моря, потому что в сочетании с запахами соли и ветра они имеют магическое действие на мужчин.

Халат около дивана замер недостроенной юртой. Я держу твои ступни, как два теплых и мягких утюжка на своем лице.

– А что если к нам сейчас кто-нибудь зайдет, а я совсем не одета. Вот будет история.

Мне трудно на это чем-нибудь ответить из-за арки твоей левой стопы.

– Мы всегда можем сказать, что я не совсем здорова или, что ты меня так любишь, что ночей нам не хватает.

Это одна из форм твоего ухода от действительности: ты все еще боишься называть некоторые вещи своими именами и рядишь их клоунами и клоунессами. Я надеюсь, что когда-нибудь это пройдет.

– Когда идешь к женщине и определенными намерениями, будь пожалуйста побритым, синяя борода.

Ты берешь мою руку в свою и мокаешь ее, как в горячий букетик нежных водорослей...

Глава вторая

Для того чтобы писать про незапланированный отдых, мне пришлось взять в рент машину, иначе мы не смогли бы достигать незапланированных мест.

Иногда я сбивался с пути и заезжал в места, которые на картах дорог никак не отмечены. При современной технике создания карт мы находили такие опечатки преднамеренными: кому-то было нужно скрыть некоторые места обитания людей от туристов. Одним из таких мест была рыбацкая деревня сразу за Чивитавеккьей. Мы остановились там, чтобы заправиться бензином и купить каких-нибудь фруктов. Смотритель на бензоколонке назвал деревню незнакомым для нашей карты именем. В деревне не было обычного рынка, а был только рыбный. Мы не знали этого и все-таки пришли туда. Время было после полудня, и большинство продавцов рыбы уже завершили свой рабочий день. Мы бродили между полупустыми прилавками под открытым небом в поисках хотя бы одного фруктового стенда, и все безрезультатно.

Ты подобрала на дороге две здоровенные рыбные чешуины, приняв их за монетки. Хотя и был конец октября, но днем все еще было достаточно тепло.

За одним из прилавков стоял китаец, одетый в дутое пальто, вязаную шапку и перчатки с отрезанными пальцами. Он торговал не только дарами моря. Под прилавком лежали кожаные дамские сумки и связки мужских и женских ручных часов. Мне было понятно, что дары моря для него были просто отмазкой, чтобы стоять в торговом ряду.

Кроме высокого чувства и страсти еще одна черта объединяет нас – это любовь к дорогому и недоступному. Ты посмотрела на сумки и часы и прищурила хитрые в эту минуту глаза и сказала не своим голосом: «Мы с милым отдыхали в Италии и сделали там кое-какой шопинг. Цены, конечно, безумные, но разве можно устоять, когда видишь новые модели и цвета, которыми не торгуют на севере из-за мимикричности к окружающей среде. Милый купил мне бесподобный кошелек от Гуччи. А может быть и не от Гуччи, но очень красивый и при этом уже полный всяким замечательным барахлом, так что мне не надо было переезжать в новый кошелек со своим старым барахлом».

У тебя есть замечательное качество – вселять в себя что-то абсолютно инородное и представлять это для моего интереса. Про дорогое и недоступное можно было сохранить до утреннего пробуждения. Я бы сохранил. Но ты живешь по принципу дорога ложка к обеду, и нет предела щедрости твоих талантов. Я уже говорил тебе и раньше, что когда у нас кончатся все средства для жизни на вилле, и нам придется жить под передвижной крышей, мы сможем использовать твои скрытые таланты. Они накормят нас и напоят. Возможно, что нам придется купить тебе ослика или, пожалуй, ламу – она ближе твоему характеру. И мы все вчетвером будем ходить по дорогам средиземноморья с представлениями. Я буду представлять тебя, а ты будешь представлять все остальное...

Между сумками и связками часов под лавкой ты увидела расписную хохламскую миску со всякими женскими штучными украшениями явно восточного происхождения. Китаец заметил твой интерес и сказал, что это не его товар, а одного господина из Тибета. Ты спросила, скоро ли придет хозяин товара, потому что тебе нравится вон тот браслет из вишневых косточек.

Дутый китаец ответил, что теперь, наверно, скоро, потому что уже прошло два дня с тех пор, как он ушел.

Ты обожаешь восток и тонко его чувствуешь, не то, что я.

Ты говоришь мне, что тебе очень хочется поносить тот браслетик (он такой миленький), чтобы я что-нибудь придумал на счет китайца и другого, которого уже два дня все ждут.

Мне кажется, что китаец понимает нашу речь, но делает вид, что не понимает. Я говорю тебе следовать за мной. Ты держишься молодцом: хоть и закусываешь губы, но идешь рядом.

Мне приятно бывать в подобных местах и видеть твое желание приобщаться к новому. Оно заводит и меня. Казалось бы, что можно найти интересного на обычном рыбном развале в деревне, которой и на картах нет? Но ты находишь. За тобой нужен глаз да глаз. Не успел я оглянуться, как ты уже прижимаешь две круторогие раковины к ушам и слушаешь пульс подводного мира.

С витыми раковинами на голове ты похожа на девочку-фавна, если такие бывают.

Мы возвращаемся с китайцу, и я предлагаю ему продать мне все тибетское добро оптом в дополнение к подносу с розовыми лягушками.

Ты спрашиваешь меня, зачем нам мертвые лягушки, ведь их уже не выпустить на волю. Я говорю, что они не мертвые, а уснувшие, и это очень лакомая штука, если приготовить с пастой.

Ты согласна попробовать, если я пообещаю, что будет вкусно.

Лягушки выглядят замечательно, они похожи на перепелок, но по вкусу значительно интереснее.

Я называю китайцу средневропейскую цифру.

Китаец переминается с ноги на ногу и улыбается. Если китайцы улыбаются, то значит, что они не всем довольны. И этот, в дутом не по сезону пальто, не был исключением.

Я добавляю к покупкам фальшивый дамский рюкзачок от Луи Виттона и утраиваю цифру. Китаец перестает улыбаться и лезет под лавку за рюкзаком и тибетским добром. Мы забираем поднос с лягушками, переложенными какими-то листьями и льдом и идем к машине. Ты несешь миску и рюкзак и спрашиваешь меня:

– Как вообще китайцы попали в Европу. У нас на севере они тоже есть, но те скорее чукчи, чем китайцы. Тоже смеются много и сырую рыбу едят без соли. Это такая мерзость.

– Я думаю, что эти пришли через Индию и Иран с караванами ацетатного шелка. Некоторые из них знают европейские языки, но стесняются своего произношения и молча понимают, что им говорят. Китайцы в Америке вытесняют другие расы с большим успехом: среди них много врачей и инженеров. К тому же некоторые из них любят занимать муниципальные позиции – целый день читать свои газеты и курить.

– Кому пойдет рюкзачек? Мне всегда такой хотелось. Разве я тебе не говорила?

– Говорила, вот мы и купили. Ты думаешь, что он выглядит как взятка?

– Успокойся, он выглядит, как дань. Фальшивые взятки не гарантируют результатов. Мне аутентичность не так важна, но что от тебя получила –это приятно.

Иногда ты говоришь со мной, как мировой судья из чеховского рассказа. Я теряюсь, что движет тобой в такие минуты, не знаю, как реагировать и только киваю в ответ.

На машине до нашей виллы мы добираемся за час. Я думаю, что если прямо сейчас начать готовить, то у нас будет ранний обед, а потом можно будет пойти в город, попить вина и послушать местных караоке исполнителей. Слушать итальянцев не так смешно, как другие народы, потому что многие из них поют не хуже оригинальных исполнителей. Пока я готовлюсь к приготовлению пищи, ты вываливаешь на мраморную поверхность столешницы содержимое из хохламской миски и смотришь – чтобы взять в руки первым делом. Я не смог удержаться, чтобы мельком не взглянуть на тибетское добро и сразу отметил про себя два предмета, явно из другой компании. Тем временем ты уже одела на руку браслетик из вишневых косточек. Оказалось, что они только выглядели косточками, а на самом деле были темного цвета кораллами.

Я не большой любитель готовить, но правильных размеров кухня и оборудование на ней определяют сознание повара. Валеркина кухня была создана не просто для того, чтобы посидеть и погонять чай, а для стряпни в первую очередь. Эти многоярусные полки, уставленные специями и приправами, специальные вина и ликеры для создания настроения в самом блюде, всякие доски для резки и тесаки для рубки, миксеры и скороварки помогли бы и самой нерадивой хозяйке готовить нормальную пищу, а не хватать в сухомятку что попало, а потом охать от недоумения в желудке.

Пока я доставал все необходимое для готовки, ты нашла еще парочку интересных предметов украшения восточных красавиц и ходила теперь, пожимая плечами и потряхивая бедрами. Я не решился тебе сказать, что одно из них, головное украшение, предназначено для породистых скакунов, а другое для жриц любви. Но это не имело никакого значения, потому что и то и другое было очень к месту и органически вплеталось в твой имидж.

– Ты думаешь, мне стоит это снять сегодня вечером, когда пойдем в город?

– Думаю, что не стоит. Тебе очень к лицу эта тибетеечка без дна, а колокольчики на поясе можно использовать, чтобы подзывать бармена.

– Какой же ты ехидный, писатель. Нет чтобы сказать что-нибудь приятное, типа нам чаще нужно ездить в места, где продают интересное. Такое ведь не купишь в обычной ювелирке, а в других местах это стоит безумно дорого. Ты просто расстроен, что в миске нет ничего интересного для мужчин.

– Мне глянулся там один предметик, и, если он не поломан, я бы мог его оставить для себя.

Пока я не начал мыть и резать, мы подходим вместе к столешнице, и я показываю тебе явно мужское украшение, выполненное в стиле артдеко: шестигранный локед с пружинным замочком, который работает. Я открываю его. В нем фото молодой полной блондинки с белым котенком на руках. Я вынимаю фото. На обратной стороне что-то написано карандашом на иврите и год – 1940.

– Настоящее артбздеко. Должно быть принадлежало военному человеку – портрет его девушки. Ты можешь смело его взять себе – того солдата уже нет в живых. А давай, найдем эту девушку? Бабушку?

– С какой целью – напомнить ей, какой пышкой она была 70 лет назад?

– Не обязательно такое напоминать. Может это было не так важно для нее. Может ее солдат любил ее и такой и такой на груди своей носил в атаке.

Я посмотрел на твой на 2/3 пустой стакан с Bloody Mary, решил сменить тему разговора и взял в руки другой не принадлежащий компании украшений предмет.

– Это печенина из китайского ресторана с запиской о чем-то. Печеньку зачем-то сохранили, а не съели.

– Тут и дураку понятно, что потому и не съели, чтобы записку было где хранить, но и не прочитал никто посторонний. В записке сказано наверняка очень важное. Не вздумай ломать печеньку и читать. Тогда сам станешь частью чужого секрета и потенциальным визирем печальных известий.

Я покрутил печенину в руках и положил ее назад на столешницу, а ты в это время взяла со стола предмет, которого я раньше не заметил, несмотря на его величину и протянула мне: «Мне кажется, что эта штука из одного комплекта с бисерной тубетейкой. Вон видишь у них сходный орнамент на боковых бляшках, но никак не могу понять, как ее носить».

При этом у тебя было такое лицо, как на фоте снятой у заброшенного еврейского кладбища в Праге. Я его с первого раза отметил и полюбил.

– На счет комплекта ты права. Видишь царапины на перекладине? Это следы зубов, а штуку эту называют мундштук, используют для лошадей и при сексуальных аномалиях. Тебе такое одевать не стоит. Особенно, когда мы пойдем в город.

Ты даешь мне подзатыльник и дергаешь за ухо: «Разговорчики в струю. Чем злословить, лучше быстрее готовил свою лягушачью пасту, а то я уже слишком голодна для этого времени года.»

От тебя аппетитно пахнет молотым перцем, горчицей и сельдереем. Очередной раз отмечая про себя, что ученые люди чаще других пользуются рецептами коктейлей без отклонений. Я прошу налить мне стакан вина и иду заниматься пищей.

Через пару минут, когда все ингредиенты помыты, высушены и послушно ждут своей очереди быть добавленными в блюдо, я начинаю заниматься лягушками. Они лежат ровненькими кулачками в ряд, склеенные друг с другом.

В первой тушке нахожу полиэтиленовый пакет, который был плотно втиснут во внутрь. На прилагаемые специи это не похоже. Во всех остальных лягушках нахожу тоже самое. Меня начинает выворачивать от тошноты. Я запиваю ее вином и сразу наливаю себе новую порцию.

В соседней комнате ты говоришь по телефону с сестрой, которая все еще живет с мужем-феодалом где-то около Сиены.

Иногда вино значительно отрезвляет и заставляет сосредоточиться.

Получается, что мы взяли чью-то доставку по предоплате.

Нас никто не видел кроме китайца, и машина была запаркована на значительном расстоянии от маркета...

Тыходишь в комнату с блаженной улыбкой, которая заметно тускнеет прямо на моих глазах.

– Милый, на тебе лица нет. Что случилось – лягушки не хотят прыгать в духовку?

Я пропускаю шутку мимо ушей и жду, что произойдет дальше. Внутренний голос подсказывает, что сейчас у меня есть уникальная возможность посмотреть, как работает тренированный мозг ученого в неадекватной обстановке.

Ты подходишь к перевернутой тушке лягушки и видишь закрытый мешочек с белым порошком внутри. Вместо того чтобы взять его в руку, ты прокалываешь пакет чем-то острым и собираешь белую пудру с острия себе на палец.

Я жду, что будет дальше, но никак не оцениваю твоего поведения потому что мой мозг вроде как завис.

– Бинго. Надеюсь у тебя нет аллергии на на кокаин, милый.

Через секунду твой как палец у меня во рту растирает порошок по десне.

– По-моему все нормально. Ты будешь жить долго и счастливо, если нас не найдут в ближайшие пол-часа.

Я чувствую как немеет моя десна и начинает покалывать в языке.

– Я специально дала тебе первому это попробовать, чтобы вывести из шока и заставить твои мозги варить в режиме овердрайва. Итак, писатель, что мы делаем дальше по твоему сценарию? Я вижу по твоим глазам, что тебе хочется многосерийного секса. Он от нас никуда не убежит, но сначала нам надо найти выход. Думай!!

– Наверняка, среди лягушек спрятан маяк-генератор сигнала, и как только они хватятся, что товар попал не в те руки, то найдут его через спутник.

Нам нужно найти этот генератор и побыстрее от него избавиться.

Прошло не более 2 часов с момента покупки лягушек. Может у нас есть минут 15 до появления хозяев..

– Жалко. Я уже так нацелилась лягушатишки поест. Так что мы должны делать?

– Как что? Найти этот чертов генератор и избавиться от него как можно быстрее.

– Как избавиться? А что потом? Может нам и ничего делать не надо, а просто упаковать лягушек, как было, и поставить их в холодильник, как будто мы собираемся готовить завтра, а самим заняться дневным многосерийным сексом. Разве ты не этого хотел, милый?

Твое заявление меня очень расстроило и лишний раз подтвердило, что гусь свинье не товарищ и что в общем деле должно быть общее опьянение или общий приход.

Я ничего этого не сказал, потому что хоть ты и возразила, но про 15 минут поняла правильно и буквально.

Мы нашли генератор, такую золотистую пуговицу, и положили ее в спичечную коробочку, а коробочку положили в карман твоей любимой кофты на все случаи жизни. Уложенные на противень лягушки были отправлены в холодильник, а пакеты с кокаином – в мусорный мешок под раковиной.

Я вышел через заднюю дверь на параллельную улицу, а ты – через главный вход. Мы договорились встретиться через 5 минут около придорожной харчевни Mama Mia. На прощание ты сказала, что просто так выбрасывать генератор не стоит, ведь нам хорошо было бы увидеть в лицо тех, кто за нами будет гнаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.